КОГНИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Б.В. Марков

Статья посвящена проблеме сравнения аналитических практик современной философии. Такая проблема была поставлена в философии познания Л.А. Микешиной. Она основательно изучила феноменологию, герменевтику, аналитическую философию, структуралистские и постструктуралистские концепции. В ее книге определены границы и возможности методов современной философии. Своеобразие программы Л.А. Микешиной состоит в соединении герменевтики с когнитивными теориями. В статье продолжена эта программа. Она дополнена исследованием методов философской антропологии. Аналитические практики философии сформированы на основе книжной культуры и предназначены для анализа текстов. Развитие образной, «экранной» культуры порождает потребность в аналитике и концептуализации визуального дискурса. Вопрос о том, как мы ориентируемся в образах, решается путем поиска слов, выражающих смысл видимого. В статье раскрыта специфика изучения образов в визуальной антропологии. Предметом анализа также является музыка, дизайн, архитектура. Представлен набор аналитических техник для анализа медиальной культуры. Предложен проект изучения культурного пространства, в контексте которого формируются философские концепции.

Ключевые слова: понимание, объяснение, факты, ценности, оценки, желание, воображение, память.

COGNITIVE PRACTICES OF ANALYTICAL ANTHROPOLOGY*

B.V. Markov

The article is devoted to the problem of comparing analytical practices of modern philosophy. Such a problem was put in the philosophy of cognition of L.A. Mikeshina. She thoroughly studied phenomenology, hermeneutics, analytical philosophy, structuralist and post-structuralist concepts. Her book identifies the boundaries and possibilities of modern philosophy. The originality of L.A. Mikeshina's program is to connect hermeneutics with cognitive theories. This program is continued in the article. It is supplemented by the study of methods of philosophical anthropology. Analytical practices of philosophy are formed on the basis of book culture and are designed to analyze texts. The development of a figurative, "screen" culture generates the need for analytics and conceptualization of visual discourse. The question of how we navigate images is solved by searching for words that express the meaning of the visible. The article reveals the specifics of the study of images in visual anthropology. The object of analysis is also music, design, architecture. A set of analytical techniques for analysis of medial culture is presented. A project to study the cultural space, in the context of which philosophical concepts are formed, has been proposed.

Key words: Understanding, explanation, facts, values, assessments, desire, imagination, memory.

Введение

Поколение, слабо представляющее, какие испытания выпадали на долю предшественников, чаще всего расценивает их как неудачников. Правда, некоторые ощущают зависть в связи с тем, что им уже никогда не представится возможность противостоять этим вызовам. Необходимо преодолеть убеждение, что жизнь является одинаковой во все времена, что опыт одного поколения полностью подходит для другого. Всегда есть возможность

попытаться действовать по-новому, хотя это сопряжено со значительной долей риска. Образцом здесь как раз и может служить интеллектуальная биография Л.А. Микешиной. Она начиналась в 60-е гг. XX в., когда методология науки становилась лидирующей философской дисциплиной. Вместе с другими представителями ее поколения Л.А. Микешина внесла значительный вклад в «социокультурный поворот» философии науки. В 90-е гг. она основательно изучала феноменологию, герменевтику, аналитическую философию, структуралистские и постструктуралистские концепции. Обобщением этого опыта является «Философия познания» – грандиозный труд, в котором реконструированы и сопоставлены ведущие философские направления [10]. Исследуя их границы и

* Исследование выполнено по проекту РФФИ 19-011-00775 Топология культурной памяти в диалоге поколений / The publication was prepared with the support of the grant of Russian Foundation for basic research № 19-011-00775 Topology of cultural memory in the dialogue of generations.

Марков Борис Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Markov Boris Vasilievich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology at St. Petersburg State University.

E-mail: b.markov@spbu.ru

© Марков Б.В., 2020

возможности, Л.А. Микешина предложила стратегию диалога гуманитарных практик.

Как известно, философские споры обычно не завершаются общим решением. Консенсус не складывается по той причине, что философы, имея дело с абсолютным, нередко считают себя непогрешимыми. На самом деле никто не знает того, чего не могут знать другие. Поэтому остается диалог, где философы выступают не как представители «мирового духа», а как арбитры, выносящие решение на основе всестороннего обсуждения как самой ситуации, так и её описания. Прежде всего, это касается гуманитарных наук, где позиции наблюдателя и участника событий нередко совпадают. Социальный исследователь всегда втянут в разговор как партнер, интервьюер, слушатель, зритель и включен в речевое взаимодействие личностей. То же самое в истории, где для объяснения событий приходится учитывать не только «историческую необходимость», но и цели, интересы, желания людей. Представители «объективизма», абстрагирующиеся от роли субъективных намерений, на самом деле вовсе не избавляются от их влияния. Игнорируя человеческий фактор, они не способны контролировать его реальное воздействие на ход познания.

Как совместить установку участника социального жизненного мира с объективной установкой исследователя? Можно ли соединить когнитивный подход с методами «наук о духе» – феноменологией и герменевтикой, или такая попытка изначально обречена на провал? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть движение навстречу с той и с другой стороны. Поздний Гуссерль ввёл в поле феноменологии социальный жизненный мир, а представители постаналитической философии используют понятие ментальности и допускают непосредственный опыт сознания. Своеобразие исследовательской программы Л.А. Микешиной состоит в том, что в ней соединяются, с одной стороны, феноменология и герменевтика, а с другой стороны, когнитивные теории нередуктивного физикализма, оперирующие понятием супервентности. Таким образом, ей удалось построить междисциплинарную, точнее, трансдисциплинарную исследовательскую программу, в которой соединяются кажущиеся взаимоисключающими подходы.

Опираясь на результаты, полученные Л.А. Микешиной, можно продолжить её проект в форме аналитической антропологии. Сегодня в условиях медиального поворота происходит смена медиумов коммуникации. Критико-аналитические методы философии, сложившиеся в рамках книжной культуры, должны быть дополнены техниками анализа звуков и образов, которыми экранная или аудиовизуальная культура воздействует на сознание и поведение людей.

Проблема

Философская антропология сегодня отказывается от «антропоцентризма» и трансформируется в когнитивную науку, претендующую на выявление дорефлексивных антропологических предпосылок познания. Успешно развиваются различные её модификации от антропологии культуры и религии до антропологии науки. Можно перечислить еще педагогическую, юридическую, социальную, политическую и иные антропологии. Наряду с дифференциацией развиваются и интегративные антропологии. Благодаря этому получены неплохие результаты, свидетельствующие о том, что еще слишком рано говорить о «смерти человека» в том смысле, что его отчуждение достигло максимума, что в современном рыночном обществе он выступает как агент нечеловеческих институтов.

Тезис о «смерти человека» означает окончание эры «человеческой исключительности» [14]. Это призыв к пересмотру классической идеи человека. Речь идет, пожалуй, о самом трудном в философии, о применении её критического метода к самой себе. Это действительно проблема. Как Фрейд не занимался самолечением, в том смысле, что не привлекал методы психоанализа для решения собственных проблем, так Адорно и другие критики идеологии не применяли критическую теорию для преодоления собственных мессианских настроений. Философская антропология, раскрывающая неинтеллектуальные предпосылки познания, сама оказывается как бы вне подозрений. Поэтому возникает задача анализа её собственных предпосылок, т.е. поворот к аналитической антропологии. Некоторые её важные компоненты уже отчасти разработаны, например в визуальной антропологии, указывающей на приоритет образного сознания, в топологической рефлексии, изучающей роль символического культурного пространства, в котором живут и создают люди. Учитывая такие «маргинальные» направления, как антропология моды, дизайна, парфюма и др., пора заняться аналитикой новых медиумов. Дело в том, что практики философствования, сложившиеся на базе книжной культуры, не вполне пригодны для выявления структуры и порядка даже таких феноменов культуры, как, например, изобразительное искусство и музыка.

Феноменология образа и герменевтика слова

Слово «образ» намекает на мимесис, но современное искусство – это, скорее, перформанс, т.е. производство образов на основе собственной изобразительной техники. Хотя существует словосочетание «музыкальный образ», смешно считать, например, марш изображением кавалерийской атаки. Но если музыка и образ воздействуют на человека, как утверждал Ницше, неизмеримо сильнее, чем идеи, то возникает вопрос, как и почему среди

тысячи образов и звуков нас увлекают только некоторые лица и мелодии?

Вопрос о природе образов решается средствами семиотики. Образы воспринимаются по аналогии со словами как носители значений и смыслов. Они определяются как иконические знаки, указывающие на объекты или предписывающие действия. Семиотическая интерпретация сложилась в эпоху письменной цивилизации и привела к нейтрализации визуального, которое воздействует на сознание непосредственно до какой-либо рефлексии. Протест против господства слов возник сравнительно недавно благодаря акциям постмодернистских художников, восставших против засилья смыслового фермента искусства. Одним из первых на это отреагировал М. Хайдеггер, который указал на то, что греки считали, что видимое — это не продукт зрительной способности человека, а форма явления самого бытия, которое показывает себя таким, как оно есть. Слово *истина* должно применяться не к знанию, а к бытию, которое является как Открытое. Но, конечно, не слабые во всемирном масштабе усилия отдельных интеллектуалов привели к визуальному повороту. Коммуникативная революция происходит на наших глазах в результате смены носителей сообщений. Медиумами коммуникации становятся не понятия, а образы.

Для понимания новой медиальной культуры необходимо рассмотреть эволюцию форм коммуникации в горизонте становления письменной цивилизации. Если обратить внимание не только на значение, но и на материю знаков, то требования к их форме были одинаковыми. Документы готовятся в канцеляриях, подписываются официальными лицами и подтверждаются печатью. Все это говорит о том, что их значимость определяется не столько истиной, сколько властными институтами.

Язык обычно определяется как система знаков, которые воздействует на поведение людей благодаря тому, что наделены значениями, являются носителями той или иной информации. Язык регулируется логикой и грамматикой, он является носителем смыслов и значений, которые могут быть проверены. Величественные образы и завораживающие звуки если и имеют какой-то порядок, то он доступен только тем, кого называют гениями. Хотя существует музыкальный слух и художественный вкус, но ни у творцов, ни у зрителей и слушателей нет четких правил, подобных грамматическим и логическим, которые бы определяли гармонию звуков и образов. При этом все понимают, что если одни их сочетания воздействуют на нас сильнее, чем другие, то это свидетельствует о том, что тут все происходит не как попало. Но если в сериальной музыке и в абстрактной живописи существуют

более или менее четкие правила и коды, то выявить их в, так сказать, «натуральных» формах нелегко.

Сторонники перформативной концепции критикуют «изобразительное» понимание искусства и говорят о связи музыки с ритмами организма. К. Леви-Стросс использовал при анализе мифов музыкальные метафоры и образные метонимии. Сходство восприятия музыки и речи состоит в том, что они вызывают работу неких общих ментальных структур. Серийная музыка связывает музыку с математикой. Абстрактная живопись заменяет мимесис конструктом. Леви-Стросс различал две сети — внешнюю, культурную и внутреннюю, природную, которая относится к церебральным явлениям. Этим он объяснял удивительную способность музыки действовать одновременно на разум и на чувства. Музыка раскрывает физиологическую основу культуры, она требует участия тела, она буквально трогает наше сердце, вызывает восторг или грусть. Когда играют или поют для себя или все вместе, тогда достигают гармонии движения и экспрессии. Посредством музыки передают не информацию, а усилие [8: с. 34].

Э. Гуссерль протестовал против семиотической трактовки познания. Воспринимаемые объекты являются не знаками, которые воздействуют исключительно своими значениями, а остаются чувственно воспринимаемыми вещами. «Образ или знак, — писал Гуссерль, — указывает на нечто, лежащее за его пределами, — это нечто, перейдя в иной способ представления, дающее созерцание, было бы доступно постижению "само" по себе. Знак и образ не "изъявляет" своей самостью означаемую (или отображаемую) самость, он не даёт себя. Физическая же вещь не чужда тому, что является чувственно-телесно, но изъявляет себя в нём, причём а priori (по неотменимым сущностным основаниям) изъявляет себя изначально только в нём» [4: с. 21] Причём, отмечал Гуссерль, оболочка, в которой дан носитель физических определений, не является чуждой, не является обманом.

Феноменологию Гуссерля обычно истолковывают как миметическую. На самом деле он отрицал теорию отражения. Произведения искусства (а также реклама, клипы) воздействуют не только информативно, но и сами по себе, так как обладают собственной энергией. Не это ли имел в виду Гуссерль, сделавший центральным актом сознания эйдетическую интуицию? Можно сказать, да и нет. С одной стороны, он описал работу сознания, которая не сводится к интерпретации. С другой стороны, он сохранил символическое содержание, которое, как он полагал, непрерывно сопровождает чувственное восприятие в форме установок, мотиваций, ориентаций и прочих внеопытных и даже непонятных предпосылок. Они априорны в историческом смысле как обобщение опыта генерали-

зованного другого и могут меняться, однако остаются при этом априорными формами проявления абсолютного чистого сознания. Ноэмы, установки, мотивации, дополняющие сенсорные данные, не сводятся ни к образу, ни к языку.

Отсюда остаётся непонятным статус конструкций сознания. Ведь термин «конституирует» столь же сильный, как слово «конструирует». Гуссерль использовал для характеристики переживаний «интенциональность». Её понимают как обозначение непосредственной данности предмета в интеллектуальном созерцании. Но абсолютным Гуссерль называет чистое сознание, существование которого необходимо допустить, даже если нет воспринимающего субъекта. Люди и животные имеют дело с интенциональными или относительными переживаниями. Во-первых, относительны они сами. Человеческие сознания обусловлены природно-биологическими и социально-культурными условиями. Во-вторых, относительны предметы их восприятия, которые интенциональны в том смысле, что конституированы установками, мотивациями и иными предпосылками трансцендентального субъекта.

Настоящим полем приложения феноменологической дескрипции является не столько наука, сколько искусство. Главное открытие Гуссерля состоит в описании разнообразных актов сознания, которые остались вне поля внимания классической эстетики, опиравшейся на идеи Просвещения. Искусство XX в. изображает не столько сами предметы, сколько предпосылки их визуализации. Например, «Черный квадрат» Малевича акцентирует раму, в которую помещается изображаемый объект. Другие художники обращают внимание на правила перспективы и экспериментируют с планами и границами, отделяющими фигуры от фона.

Значимость феноменологии проявляется в эпоху масс-медиа. Её актуальность обусловлена медиальным поворотом в современной культуре, когда уже не книги, а звуки и образы используются для управления поведением людей. Визуальная антропология — молодая становящаяся дисциплина, в которой исследуется современная видеокультура и ее влияние на человека [16]. Оказывается, чувственные переживания тоже не вполне мои и даже не вполне человеческие. Достаточно послушать современную музыку или посетить художественную выставку, чтобы убедиться в искусственности демонстрируемых произведений, в том, что они во многом определены общей атмосферой, экзистенциальным опытом бытия в нашем абсурдном мире. Но это не значит, что исследование искусства переходит в ведение социологов или политологов. Не отрицая широких возможностей их методов, можно уверенно говорить о необходимости философской рефлексии новых медиа.

В рамках прежней, «книжной» культуры облагораживание, нормализация поведения людей осуществлялись посредством устного (лекции) и письменного (книги) слова. Различные теоретические методы и техники исследования, в том числе и философские, приспособлены в основном для анализа текстов. Развитие образной, «экранной» культуры порождает потребность в аналитике и концептуализации визуального дискурса. При сравнении изображений классического и современного искусства обнаруживаются отличия самой фигуры наблюдателя [11]. Если раньше удвоение реальности позволяло раскрыть нечто новое в мире, то теперь экран не просто замещает, а как бы устраняет реальность, заменяя её «гиперреальностью».

Одним из первых это уловил И. Кант, разработавший проект «трансцендентальной эстетики». Он доказывал, что образы — продукт чисто человеческого сознания. Поэтому в искусстве их оценка подчинена эстетическому вкусу [9: с. 20]. Если истина объективна, то вкусы — субъективны, и хотя о них не спорят, они принудительны. Своеобразие суждения о вкусе Кант видел в том, что его всеобщность достигается без помощи понятия. Это общее чувство, признание которого не требует каких-либо процедур обоснования и доказательства.

Тем не менее открытие Канта не привело к отказу от репрезентативной эстетики. В России ее критиковал нигилист Писарев, а в Германии значительный вклад в ее преодоление внес Ницше, пересиливший сложившиеся различия между этическим и эстетическим. В своем предисловии 1886 г. к «Рождению трагедии» Ницше просит взять на заметку выдвинутое им положение о том, что *метафизической* деятельностью человека по существу выставляется искусство, а не мораль.

Хайдеггер интерпретировал Ницше на основе кантовской эстетики, согласно которой «прекрасно» то, что нравится как таковое. По Канту, прекрасное открывается нам, как свободное от всякого интереса. Согласно Шопенгауэру, эстетическое состояние представляет собой угасание воли, успокоение всяческого стремления, чистое отдохновение, нежелание-ничего-больше, погружение в безучастность. По мнению Ницше, эстетические ценности покоятся на биологических ценностях. Искусство как сопротивление нигилизму призвано к тому, чтобы заложить основу для утверждения новых ценностей. Искусство для Ницше есть высшая форма воли к власти. Мы мыслим красоту как нечто, достойное наибольшего почитания. Если искусство обретает свою подлинную сущность в большом стиле, тогда это значит, что мера и закон полагаются в усмирении хаоса и опьяняющего начала.

Феноменология и критическая теория

Цивилизационное значение классического искусства состояло в том, что оно как бы вырывало

человека из кокона индивидуального существования и выводило на героический путь служения высшим ценностям. Это не то искусство, которое сегодня культивируется рынком и выступает либо дорогим товаром для наслаждения богатых, либо дешевым суррогатом для управления беднотой. Классическое искусство выражало вечные ценности, оно уводило из повседневности в мир прекрасного. Мастера современного искусства не отличают прекрасное от безобразного, культурное от некультурного. Отказ от канонов высокого искусства парадоксальным образом привел к эстетизации мира. Это является заслугой дизайнеров, которые способствовали преодолению противоположности реальности и искусства. Классическое искусство в своей основе было утопией. Сегодня она реализуется благодаря новым технологиям. Эстетический вкус формируется с учетом интересов экономики.

В эпоху знаковых событий искусство становится сферой услуг, а произведение – товаром. Его ценность определяет не мастерство художника, а реклама в форме презентации, где должны присутствовать знаменитости и зеваки, циркулировать сплетни и случаться скандалчики, благодаря которым, собственно, и возрастает цена товара. Манипулирование финансами становится более важным, чем творчество. Претензия на подлинность уступает место требованиям массового вкуса.

В связи с «гиперреальностью» массового искусства в постмодернистской философии было актуализировано платоновское определение произведения искусства как симулякра. По Платону, художник похож на черта, который обманом покупает души людей. И это не проявление ресентимента, зависти философа к поэту и художнику. Подозрение, как и удивление, – основа философии. Одиссей победил Медузу, показав ей собственное лицо. Вопрос в том, не побоится ли философия посмотреть на саму себя, а главное, каково зеркало, с помощью которого это можно сделать.

На феноменологию можно посмотреть сквозь призму теории отчуждения Маркса и психоанализа Фрейда. В первом случае речь идет о капиталистической экономике, которая накладывает свой отпечаток не только на идеологию, но и на культуру. Если у Гуссерля мы, кажется, не встречаем следов влияния Маркса, то Хайдеггер его внимательно читал и цитировал: «То, что Маркс называл отчуждением, я называю забвением бытия» [12: с. 207]. Наоборот, политику Ленина, особенно программу электрификации, он расценивал как проявление американского проекта промышленного освоения мира [13: с. 184].

Подключение к марксизму психоанализа было осуществлено, хотя и по-разному, ещё Э. Фроммом и Г. Маркузе. Сегодня задача согласования трех великих философских проектов остается по-прежнему

актуальной. Современные критические исследователи Т. Адорно, Г. Маркузе, Ж. П. Сартр, М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр и др., опираясь на идеи Маркса, предприняли интересные попытки развития стратегий эмансипации от идеологии. Разработка феноменологического и герменевтического проектов в России началась еще до революции. В 70-е и 80-е гг. XX в. интерес к ним проснулся в связи с осознанием границ позитивистской и постпозитивистской методологии науки. В 90-е гг. в нашей стране произошел настоящий культурный взрыв, актуализировавший методологию гуманитарных наук.

В гуманитарных науках ученый, изучающий общество, сам к нему принадлежит. Он должен каким-то образом «относиться» к изучаемой реальности, должен «понимать» её, а для этого – быть участником. «Отношение» участия отличается от нейтрального наблюдения тем, что это особого рода жизненный, экзистенциальный опыт переживания традиций. Религиозные, идеологические, моральные ценности – весьма мощные факторы исторического развития. Их понимание является не только когнитивной, но и социальной практикой, направленной на самоизменение общества. Весь этот массив духовного опыта также нуждается в критическом анализе и обосновании. Теоретические исследования становятся работой по производству общества.

Топологическая рефлексия

Можно расширить поле когнитивных практик, реконструированных Л.А. Микешиной. Прежде всего, это можно сделать на примере анализа социальных и культурных пространств, метрика которых также влияет на работу сознания. Общество – это не только результат договора между людьми, но, прежде всего, исторически сложившаяся и, вместе с тем, искусственная по сравнению с природой среда обитания. Элементами общественного пространства является совокупность архитектурно, технически и символически обустроенных социальных контейнеров, где приняты те или иные нормы поведения, и в ответ на одни действия люди ожидают других. Общественное пространство отличается от геометрического наличием культурной символики. Различаются экономическое и моральное, приватное и публичное пространства, а также пространства развлечения и отдыха – кафе, городские парки, центры отдыха, клубы и т.д. В каждом из них существует своя «разметка», в соответствии с нею складываются свои коды поведения. Благодаря этому каждый знает, каким образом окружающие будут реагировать на те или иные действия. В каком-то смысле это похоже на игру, например, в шахматы. Причем правила поведения во многих пространствах являются неписаными. В случае, когда соблюдение порядка является особо значимым, вывешиваются инструкции. Благо-

даря этому общественная жизнь протекает более или менее нормально.

Историю культуры можно рассмотреть как поиск способов жить вместе. Прежде всего, людей объединяла территория. Они имели общий опыт и технологии её освоения, а также культурную память в форме мифов и сказаний, одинаковые верования, общие культы и ритуалы. В небольших сообществах жители пребывали под взглядом друг друга, и при этом каждый мог высказать свое мнение о поступках другого. Поскольку ценился род, а не индивид, то воспитывались общественные добродетели. Жертвуя личными интересами, индивид обретал защиту общины. Изгнание за проступок обрекало на рабство или смерть.

Сегодня говорят о прогрессе свободы, но социальное пространство не способствует её реализации. В больших городах люди либо пребывают наедине с собой, либо превращаются в толпу, ищущую зрелищ. На работе, в супермаркетах, в центрах развлечений индивиды находятся в непосредственной близости, но не замечают друг друга. Бросается в глаза отчужденность. Толерантность на практике – это какой-то невидимый барьер для общения. Раньше посещение соседней деревни давало информации, разумеется, не больше, чем Интернет, но сообщаемые новости воспринимались с воодушевлением, а не с характерным для горожан безразличием. Конечно, и раньше участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к передаче разного рода слухов, однако в целом люди ощущали себя частью единого целого и оказывали реальную поддержку друг другу.

Началом новой истории стала французская революция, породившая страх элиты перед толпой. Ее пытались организовать при помощи демонстраций и митингов. Потом политическая жизнь перешла с улиц в конгрессы и дворцы съездов. К сожалению, роль таких мест не прописана и нет специальной науки о таких социальных пространствах. В XX в. гигантским архитектурным коллектором для разрядки огромного числа агрессивно настроенных людей становится стадион. Открытый в глубокой древности эффект арены Колизея возродился спустя тысячелетие. Стадион – прямая противоположность агоре, где консенсус достигался на основе речей. Единство реализуется в форме слияния индивидов с фигурой победителя. Во время Олимпийских игр эффект возбуждения приобретает планетарный характер. То, что называют единством, – это продукт общественных коллекторов, оснащенных такими медиумами, как громкоговорители и телекамеры, не упускающих ни одного события, в курсе которых, благодаря ежедневной прессе и телевидению, должен быть каждый.

Геофилософия

В качестве ответа на вызов глобализации можно реанимировать намеченную еще Гуссерлем программу геофилософии. Это не геополитика, хотя между ними есть общее, а именно – протест против абсолютизации роли идей, духа, морали в истории народов. Геополитика делает акцент на территории. Это не столько географическое, экологическое и климатическое образование, сколько государственные границы, рубежи защиты и обороны. Геофилософия исходит из приоритета культурного ландшафта, который представляет собой символическую вселенную, которая близка природе. Например, философия Хайдеггера опирается на восприятие природы как живого. Это мировосприятие в России развивал В. Бибихин [3]. Природа – не объект преобразования, не промышленное сырьё, а нечто близкое нам. При этом природный ландшафт структурируется, оформляется, кристаллизуется в разные исторические периоды по-разному.

В «Номосе Земли» К. Шмитт, вместе со Шпенглером, Хаусхофером и другими геополитиками, реанимировал органическое понимание истории, согласно которому не философские идеи, а порядок жизни на определенной территории, необходимость ее культивирования и защиты определяют то, что иногда называют национальным характером [15]. В постмодернистской манере эти идеи повторил Ж. Делёз. Он считал причиной отчуждения (кризиса Европы) капитализм, который взламывает коды земли и рода, детерриториализует мысль, но при этом не только опустошает ее, как бы сейчас сказали, цифровым мышлением, а задает новые метафоры (Эдип), управляющие поведением людей на бессознательном уровне [5]. Отношения обмена разрушают справедливость. Порядки полиса и экономики противоречат друг другу.

В процессе глобализации происходит унификация мирового рынка и трансформация международного права, основанного на соблюдении интересов национальных государств. Номосы Земли и моря, леса и степи уходят в небытие, остается мыслящий деньгами разум, действующий на всех территориях. Но при этом никакого интернационализма нет. Сакральным центром глобализации остаётся Европа. По мнению М. Каччари, либеральная конверсия государства по формуле верховенства права лишь ускоряет кризис Европы [7]. В противовес политической теологии К. Шмитта можно утверждать, что в машине современного государства не спрятано никакого Бога. Даже холодная война на самом деле – это борьба за рынки.

Известный тезис о «конце истории» выражал оптимистичную веру в то, что закончилась азиатская фаза истории. В 90-е гг. народ, политики и интеллектуалы радовались окончанию холодной

войны, объединению Европы. Тревоги, конечно, были, но все надеялись на хороший результат, так как источником вражды считали коммунистическую Россию, разжигавшую мировую революцию. Редко кто понимал, что Европа тоже должна перестроиться, в частности, избавиться от ксенофобии. Сегодня вновь стоит вопрос: сможет ли Европа реализовать универсалистскую утопию при условии рискованного признания конфликтности своего и чужого?

Прошедшие десятилетия показали, что либеральные ценности утратили приоритет. Во-первых, начала подниматься с колен Россия. Поэтому реанимировался прежний образ врага. Во-вторых, поток мигрантов вызвал резкий протест у европейцев, заставил отречься от либеральных ценностей мультикультурализма и толерантности. Всё пошло по сценарию Шмитта, а не Хабермаса. Снова в моде сравнения общества с концентрационным лагерем [1], а также концепции, реанимирующие практики жертвоприношения и насилия [6]. Скорее всего, ужасное прошлое, конечно, не повторится. Образ чужого претерпел глубокую трансформацию. По сути, так называемые постимперские исследования – это самопротиворечивый и саморазрушительный проект. Задача теоретиков – предсказать характер будущей конфронтации, а политиков – искать практические способы снижения конфликтности.

Биополитика и вирусология

В отличие от Делёза Фуко назвал трансформацию современной власти биополитикой, искусством управления населением. Это форма власти, в отличие от господства, опирается на знания о демократии, о нормах потребления, ресурсах питания и т.п. Главные концепты: жизнь, население, работа. Сегодня в условиях объявленной пандемии понятие биополитики приобретает иной смысл. Пора поставить принципиальный вопрос о вирусологии. Она сегодня лидирует на медийном рынке. Дело не ограничивается открытием антидота. Понятия вирусологии входят в естественный язык, оживляя старые метафоры друга и врага. Философы вопрошают: кто такие вирусы, можно ли им приписать свойства субъекта? Обычными людьми эти невидимые существа воспринимаются как враги. Если кинематограф переключится с инопланетян на вирусы, то, несомненно, будет изображать их как маленьких чудовищ.

Пандемия поставила человека перед лицом смерти. Она напомнила нам, что параллельно политическим и экономическим событиям, происходившим на протяжении XIX и XX вв., творилась другая история. Это история развития биологических и культурных паразитов – разного рода вирусов, в том числе компьютерных и медийных, которые сбивают культуру с ее истинного жизненного пути. Именно это и произошло с Западом в начале XX в., а сегодня весь мир должен четко осознать,

что он заражен вирусом глобализации и болен культурной дисторсией. Это не означает, что нужно мыслить представителей чужих культур по аналогии с антителами, раковыми клетками. Организмы существуют в окружающей среде, получают извне, прежде всего, пищу, которую поглощают, усваивают, перерабатывают и выделяют. Для этого существуют каналы подсоединения, а также разного рода мембраны и фильтры. Осознавая условность как органицистских, так и функционалистских метафор, на практике необходимо строить отношения и между общественными организмами, принимая во внимание не только борьбу, но и кооперацию.

Здоровье как биологических, так и культурных организмов определяется высоким иммунитетом по отношению к чужому и одновременно способностью воспринимать полезные внешние факторы. Конечно, эта модель должна быть использована в философии с некоторыми предосторожностями, но не стоит забывать об иммунитете. Открытие И. Мечникова интересно как раз тем, что антитела могут играть защитную роль. Безопасность организма зависит не только от непроницаемости границы, но и от внутренней сопротивляемости. Организмы, в том числе и культурные, являются открытыми системами, чужое, внешнее является, с одной стороны, опасным, а с другой стороны, полезным для внутреннего развития. Например, пребывание за железным занавесом напоминает профилакторий, очищенный от вирусов чужого. Но его обитатели утрачивают иммунитет и становятся беззащитными, если перегородки разрушаются. Точно также недовольство режимом может зарождаться как внутри общества, так и подогреваться извне. Отсутствие внутреннего иммунитета проявляется в том, что люди смотрят на себя глазами чужого.

Проект инверсионной или негативной антропологии следует оценивать не как описание и, тем более, смакование «ужасного», а как попытку преодоления жестких различий «животного» и «человеческого», которые без каких-либо сомнений, часто анонимно, принимаются как исходные предпосылки научных исследований [2]. Необходимо выявить не только разрушительные, опасные последствия негативного, но и позитивные результаты борьбы или игры с тем, что не переживается, но существует. Опыт запредельного, балансирование на границах возможностей человеческого существования также нуждается в философской концептуализации.

Заключение. Философия экстремальных ситуаций

Философия как форма критики настоящего сопровождается постоянной модернизацией, которая, собственно, и является предметом споров. Она должна учитывать, ухудшится или улучшится положение человека, который будет жить на основе ее

принципов. Правда, философия не всегда соответствует этому требованию. Например, Декартово радикальное сомнение является методическим, но не экзистенциальным. Сомнение как форма эмансипации возможна при такой институциональной власти, которая не сталкивается с серьезным случаем. Есть области, где нельзя достигнуть консенсуса, и с этим надо как то жить. Жить в состоянии конфликта и даже войны. Конечно, цинично заявлять, что война лучше мира. Но столь же неосмотрительно думать, что во всех вопросах можно прийти к согласию.

Существует ли такое непереживаемое, которое не принадлежит к разряду переживаемого, однако может быть рассказано или описано? И кто знает, можно ли описать все пережитое? А можем ли мы пережить и увидеть остаток исчезнувшего, хотя бы благодаря метафоре, которая граничит с переживанием? Подозрение не уводит от мира, в котором непереживаемое есть нечто мнимое. Оно там, откуда никто не возвращается. И все же никто не может отрицать, что если такого рода опыт существует, то оно есть.

Можно дать дефиницию тому, о чем не говорит дух времени: это экстремизм. Экстремист – это тот, кто реализует серьезный случай, создает условия его реализации. Недействительное, которое реализуют экстремисты, – основа артефактов, в которых симулируется серьезный случай. Потребность быть уверенным в своей стабильности в экстремальной ситуации заставляет искать такие переживания, которые непосредственно граничат с непереживаемым. Есть такие люди, которые желают это попробовать, даже посредством симуляции. В любом случае они надеются, что смогут вытерпеть трудности и проверить себя в рискованной ситуации. Несомненно, это является базисной потребностью человека. Людей, способных выдержать трудные испытания, называют стоическими. Однако есть такие ситуации, когда речь идет не о самоиспытании, а о чем-то существующем вне нашего мира. Речь идет об условиях существования, которые радикально отличаются от тех, к которым мы привыкли.

Нельзя отрицать стремление знать наперед, что будет потом. Выход состоит не только в том, чтобы избегать экстремальных ситуаций. Суть дела в том, что в случае проявления угроз возможны разные реакции людей. Различные формы осмысления начала пандемии сходятся в том, что была необходима попытка сопротивления. До сих пор попытки самоиспытания для большинства были артефактом. Речь не шла о физической угрозе существования.

Например, любые виды игры – это артефакты, не связанные с приближением к границам выживания. Также нарастающие сегодня игры с властью – это выдумка, которая не имеет дела с реальностью, не сталкивается с чужой волей, произволом, давлением силы. Такие игры опираются на допущение, что нет никакой реальной или виртуальной власти, воздействующей на людей, предполагается, что ничего не нужно бояться. Тем, кто хочет любой ценой испытать ужас пограничного опыта, следует напомнить, что есть объективный порог, за которым существование становится невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – Москва : Европа, 2011. – 256 с.
2. Агамбен, Дж. Открытое: Человек и животное / Дж. Агамбен. – Москва : РГГУ, 2012. – 112 с.
3. Бибихин, В.В. Лес / В.В. Бибихин. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 425 с.
4. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Москва : Лабиринт, 1994. – 110 с.
5. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : Фактория, 2007. – 672 с.
6. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – Москва : НЛО, 2010. – 448 с.
7. Каччари, М. Геофилософия Европы / М. Каччари. – Санкт-Петербург : Пневма, 2004. – 186 с.
8. Леви-Стросс, К. Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. – 406 с.
9. Лиссман, К.П. Философия современного искусства / К.П. Лиссман. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2011. – 220 с.
10. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
11. Савчук, В.В. Медиафилософия / В.В. Савчук. – Санкт-Петербург : Русская Христианская Гуманитарная Академия, 2013. – 296 с.
12. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. – Москва : Республика, 1993. – С. 192–220.
13. Хайдеггер, М. Парменид / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2009. – 384 с.
14. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
15. Шмитт, К. Номос Земли / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 670 с.
16. Ямпольский, М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения / М.Б. Ямпольский. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 269 с.